

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ ЭТНОСА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

О. В. Казаченко

Московский городской педагогический университет

Поступила в редакцию 15 января 2016 г.

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с культурной составляющей русского языка и отражением ее в языковом сознании под влиянием иноязычных заимствований. Отмечается широкое функционирование понятий, культурный смысл которых становится все более размытым. Выдвигается гипотеза, что утрата смысла экзистенциальных феноменов может свидетельствовать о разрушении самосознания нации и потере национальной самоидентичности.

Ключевые слова: заимствования, языковая картина мира, культура этноса, языковое сознание, культурное своеобразие.

Abstract: this article discusses issues related to the cultural component in the Russian language and its reflection in language consciousness under the influence of foreign borrowings. The authors pay attention to actively functioning concepts, the cultural meaning of which is becoming increasingly blurred. The hypothesis is that the loss of sense of existential phenomena can testify the destruction of the nation's consciousness and the loss of national identity.

Key words: borrowings, linguistic world-image, ethnic culture, linguistic consciousness, cultural identity.

В условиях глобализации, объединения мировых рынков и расширения международных связей особенно актуальными становятся вопросы, связанные с динамикой развития языков в их взаимодействии. Русский язык на рубеже XX–XXI вв. переживает колоссальные изменения, касающиеся его словарного состава. В настоящее время английский язык доминирует практически в каждой сфере нашей жизни, так как огромное число заимствований вливается в русский язык и начинает осваиваться в нем. Распространением английского языка занимаются уже даже не США или Великобритания, а затронутые этим явлением страны, которые создают спрос на унифицированное мышление и продвигают его. Даже развитые европейские государства со своими национальными языками не застрахованы от экспансии английского языка. Он становится, по сути, единственным языком науки, полностью вытеснив многолетнюю практику использования национальных языков. Это позволяет утверждать, что английский язык выступает в качестве престижного на фоне других языков и общество начинает воспринимать свой родной язык как язык низшего сословия и старается скорее перейти на «высокий» английский. Примером тому являются данные, обнародованные ЮНЕСКО: около 6000 языков на нашей планете перестанут существовать к концу XXI в.

Исследование языковых заимствований имеет довольно большую традицию изучения как в отечественном языкознании, так и зарубежной лингвистике (см. работы Л. Д. Микитич, В. В. Акуленко, Л. П. Крысина, В. Н. Шапошникова, Р. Koch, О. Jespersen, Н. Н. Hock, J. D. Brian, U. Weinreich и др.). В большинстве случаев данные изыскания связаны с культурной составляющей, поскольку язык отражает культурные константы определенного сообщества. Отметим, что первые попытки выявления взаимосвязи языка и культуры начались еще в XVIII в., но исследования того времени носят больше декларативный характер, целенаправленное изучение этой проблемы началось только в конце XX в. Несмотря на многочисленные разногласия в вопросе соотношения языка и культуры, все ученые сходятся в одном: язык есть средство общения и познания, способ выражения мыслей и передачи их адресату. Важно и то, что в языке отражаются и формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как мы думаем о мире и о своей жизни в нем. Таким образом, язык играет огромную роль как в формировании отдельной личности, так и целой нации.

Каждый конкретный язык имеет свои механизмы номинации предметов и явлений материальной культуры. Означивание тесно связано с существованием некоторых обычаев, с особенностями системы ценностей, характерной для данной культуры. Думается, что в настоящее время этот механизм дает сбой, так

как в последние десятилетия язык подвергается агрессивному «насилию», связанному с заимствованиями, в первую очередь из английского языка. Заимствованные слова, используемые средствами массовой информации и интернет-коммуникации, затрудняют понимание смысла сказанного вследствие того, что слова, пришедшие из других языков, не могут по определению быть семантически и даже морфологически мотивированы. Человек, не знающий иностранных языков, главным образом английского, не ощущает полного понимания услышанной информации потому, что многие слова, употребляемые даже первыми лицами государства, будут являться для него «пустыми звуками». Славянофил А. С. Хомяков еще в середине XIX в. справедливо утверждал, что формы, заимствованные извне, не могут служить выражению духа своей культуры, и «всякая духовная личность народа может выразиться только в формах, созданных ею самой» [1, с. 81].

При значительном количестве заимствований, широко функционирующих в речи, культура этноса претерпевает определенные изменения. То есть сегодня в российском обществе происходят процессы, ведущие, как и в странах Европы, к фольклоризации культуры: этнические особенности стираются и культура воспринимается как фольклор и местная экзотика. По сути, заимствуются не только определенные слова: стоящие за ними понятия под воздействием иноязычных словообразовательных моделей, иных интонационных рисунков, чуждых русской речи, разрушают систему правил и норм. В частности, слушая речь дикторов центрального телевидения, можно наблюдать, как меняется в некоторых фразах русский интонационный рисунок на английский.

Нельзя не согласиться с утверждением Е. Н. Зыковой о том, что для русского языка калькирование грамматических структур таит скрытую опасность. Двусоставные существительные, представляющие собой простое сложение без свойственного русскому языку морфолого-синтаксического оформления нетипичны. Оба компонента являются существительными, но один выполняет функцию определения, а другой определяемого слова. Для русского языка подобные словообразовательные модели являются калькой английских структур (*интернет-платеж, арт-сцена, веб-обозреватель*) [2, с. 43].

Современные заимствования выполняют различные функции, такие как выражение новизны, идеологическая ссылка, принадлежность к глобализирующейся действительности, экономия в использовании, а также диверсификация значения [3, с. 107–108].

Исходя из тезиса о том, что язык является культурно-обусловленным, думается, в связи со значительными изменениями в социально-экономической

жизни общества и большим потоком заимствований за последние два десятилетия структура языкового сознания русскоговорящих претерпела изменения, затронувшие образы сознания, соответствующие базовым ценностям русскоговорящих людей, таких как *дружба, любовь, свобода, деньги* и т.д. [4].

Само понятие *языкового сознания* тесно связано с понятиями *языковой картины мира* и *образа мира*. Разграничение данных терминов мы находим у И. А. Бубновой. *Языковая картина мира* есть, прежде всего, представления о мире, зафиксированные в самой структуре языка и его лексике, именно в ней у каждого народа отражена его национальная логика образного мышления, его верования, ценности, быт, национальный характер, и способ их закрепления тоже довольно специфичен [5, с. 37]. *Картина мира* отдельного человека в процессе социализации формируется под влиянием культурных ценностей, традиций той или иной нации, актуальных в определенную историческую эпоху, и находит свое выражение прежде всего в языке – в его словах, формах, а также в специфических синтаксических связях.

Используя в речи слова, вербализирующие концепты, которые несут в своих значениях определенные смыслы, носитель языка, не осознавая и не ставя их под сомнение, принимает и разделяет взгляд на мир, присущий его культурно-историческому этносу. При этом у говорящего возникает ощущение, что то, как лично он воспринимает мир, – естественно и правильно, а то, как «видят» тот же мир представители других этносов, кажется ему странным и нелогичным. Этим и характеризуются различные культурные ошибки, которые, в отличие от языковых, считаются представителями других этносов грубым нарушением коммуникации. Именно в силу этого в случае общения с инокультурным партнером только усвоение нового языка является недостаточным. Приходится переориентироваться на новое понимание мира и формировать такие образы сознания, которые будут необходимы для общения и сотрудничества.

Возможность полноценного контакта между представителями разных этнических культур неоднократно ставилась под сомнение: некоторые ученые были убеждены в способности языковых структур влиять на мировидение человека и ограничивали коммуникативные возможности языка пределами только одной этнической культуры. Так, немецкий философ и филолог В. фон Гумбольдт видел в языке «сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации» [6, с. 193]. В его работах язык соотносится с «духом» народа, служит формой его выражения, обладает энергией и самостоятельным характером и оказывает влияние на этническое сознание. Языковая деятельность приводит к формированию «своеобразного мировидения» этноса, так как он

«допускает свободное использование только в рамках своего характера <...> модифицирует все изменения по собственным законам» [там же, с. 58].

Образ мира – это «реальный предметный мир, отраженный в сознании через систему значений слов, включающих в себя не только универсальные пространственно-временные характеристики, но и рационально чувственный опыт» [5, с. 37]. Данное определение И. А. Бубновой позволяет исследовать национальный, групповой, а также индивидуальный образы мира. Кроме того, при таком понимании становится возможным объяснить то, что содержание национального образа мира не является константным, как и язык, постоянно изменяясь под воздействием определенных факторов – внешних и внутренних. Происходят количественные и качественные изменения в составе понятийных компонентов отдельных концептов конкретной языковой личности.

Язык является не только неотъемлемым «орудием» человеческого общения, но и местом «пересечения множества модусов переживания бытия человеком в его воздействующем диалоге с открывающимся познанию и освоению миром и самим собой в процессах жизни – выживания, вовлеченность, самовыражения, самоидентификации, попытках гармонизации, единения с этим миром и другими, подобными себе» [7, с. 3]. Язык, под влиянием на него культуры, вырабатывает свои способы номинации и выделения особых характеристик в слове. Например, для человека, принадлежащего к русской культуре, очевидно, что его интеллектуальная жизнь связана с *головой*, а эмоциональная – с *сердцем*. Запоминая что-то, мы храним это в голове; голова не может быть *доброй*, *золотой* или *каменной*, а сердце – *умным* или *светлым* (в русском языке всё наоборот); головой мы не чувствуем – на это способно только сердце (*оно болит*, *горит*, *ноет*, *чувет*, *щемит*, *любит*, *сжимается*, *стучит*, в нем может *зарождаться надежда*, *любовь*, *тоска* и т.п.).

Голова позволяет человеку *рассуждать здраво*, *думать*, *работать*; про человека, наделенного такой способностью, говорят, что у него *ясная (светлая) голова*, а о том, кто лишен такой способности, что он *без царя в голове*, что у него *ветер в голове*, *каша в голове* или что он *вовсе без головы на плечах*; кроме того, ассоциации *квадратная голова*, *не на месте*, *не у дела* и *садовая* также нередки. Правда, и у человека с *головой* может *голова пойти кругом*; он может *совсем потерять голову*, особенно часто это происходит с влюбленными, у которых главным управляющим органом становится сердце, а не голова; можно *взяться за голову* – в переносном значении серьезно чем-то заняться, заинтересоваться.

Голова является и органом памяти (ср. *держат в голове*, *вылетело из головы*, *выкинуть из головы* и

т.п.). В этом отношении русская языковая модель человека отличается от западноевропейской, в которой орган памяти скорее сердце, например, английское *learn by heart*. В русском языке возможна *память сердца*, но так говорят об эмоциональной, но не интеллектуальной памяти. Если *выкинуть (выбросить) из головы* значит ‘забыть’ или ‘перестать думать’ о ком-либо или о чем-либо, то *вырвать из сердца (кого-либо)* не значит ‘забыть’, а значит ‘разлюбить’ (или ‘сделать попытку разлюбить’), ср. поговорку *С глаз долой – из сердца вон* [8]. В этом смысле показательны, на наш взгляд, американские заимствованные слова *headhunter (хедхантер)*, *headhunting (хедхантинг)*, имеющие значения «охотник за головами» и процесс поиска нужного профессионала. Очевидно, что данные понятия не могли возникнуть в западной философии со словом «сердце», так как рациональное начало никак не может коррелироваться с эмоциональным.

Изучение *языковой картины мира*, безусловно, представляет интерес для исследователя, когда выявляются универсальные и национально-специфичные особенности языков мира. Зачастую реальное речевое поведение носителя языка и представления об этносе, к которому принадлежит данный индивид с его видением мира, зафиксированном на данном этапе его развития, обнаруживают массу несоответствий. Вероятно, это свидетельствует о том, что между языковой картиной мира и представлением его в сознании людей и конкретного индивида существуют довольно сложные взаимосвязи, весьма расходящиеся друг с другом. Таким образом, реальные знания, которыми обладают современники «здесь и сейчас» можно получить эмпирически, при помощи изучения некоего феномена, при сравнении экспериментальных данных с представлениями о языковой картине народа на основе языка, обслуживающего данное культурное сообщество [5, с. 37]. Таким феноменом выступает *языковое сознание*, понимаемое в данной работе, вслед за Е. Ф. Тарасовым, как опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [9, с. 7].

Языковое сознание представляется явлением довольно сложным в плане описания, поскольку оно не может быть зафиксировано в момент протекания процесса, так как его феномен включен в процесс осуществления других психических функций: восприятия, воображения, мышления и т.п. Исследователь имеет дело с уже свершившимися фактами, «овнешняемыми языковыми средствами» (в терминологии Е. Ф. Тарасова). Языковое сознание недоступно для прямого изучения и измерения, так как не имеет собственного «тела», и лишь частично откры-

то для самого человека. Структура языкового сознания уже несколько десятилетий глубоко изучается представителями московской психолингвистической школы под руководством Н. В. Уфимцевой. При помощи серии ассоциативных экспериментов с носителями четырех славянских языков (белорусского, болгарского, русского и украинского) ответы-реакции респондентов легли в основу «Ассоциативного тезауруса современного русского языка».

Возможность создания такого словаря любого языка, по мнению Н. В. Уфимцевой, основывается на психологическом представлении о связях единиц сознания в психике человека. В качестве единиц сознания могут выступать образы восприятия, представления, понятия, эмоции, чувства. Для построения ассоциативного словаря существенно, что получаемые в эксперименте ассоциации в ответах испытуемых обозначаются словом. Важно отметить, «Ассоциативный тезаурус современного русского языка» создавался в конце XX в., когда было другое поколение, отличное от современного. Респонденты, участвовавшие в опросе, были молодыми людьми, студентами различных российских вузов страны.

При повторном эксперименте, скорее всего, будут получены другие данные, так как наблюдается влияние сразу нескольких факторов. Во-первых, детство и взросление сегодняшних 20–25-летних людей произошло уже в то время, когда наша страна перестала быть противвесом американской экспансии, мир стал однополярным, что не могло не повлиять на восприятие человеком себя, своей страны и культуры. Во-вторых, молодежная аудитория особенно интенсивно на протяжении десятилетий подвергается агрессивному воздействию СМИ, транслирующим нормы и ценности западной культуры, в корне отличающиеся от многих других мировых культур. В-третьих, меняется само общество, его экономика, образование, социальная сфера. В-четвертых, представители этой группы через весьма короткий промежуток времени будут определять пути развития страны, и от содержания их языкового сознания, их «образа мира» на настоящий момент в значительной степени зависит будущее нации и государства как такового [5, с. 38]. Представляется, что можно добавить еще одну важную особенность в дополнение к вышеназванным факторам, а именно: современная молодежь, с одной стороны, имеет более широкий доступ к информации различного рода через интернет, общаясь в социальных сетях, взаимодействуя друг с другом на расстоянии. С другой стороны, количество прямых, личных контактов у молодого поколения ограничено, их индивидуальная виртуальная картина мира создается более обособленно, без участия других членов данного культурного сообщества и создается она на основе того, кто и как

преподносит события на тех сайтах, на которых «сидит» молодежь.

Динамика изменений языкового сознания находится в последнее время в фокусе внимания ученых-психолингвистов (см. работы Н. В. Уфимцевой, И. А. Бубновой, А. П. Сдобновой, А. В. Федченко, И. Л. Гарбар, В. Е. Гольдина). Так, саратовскому ученому В. Е. Гольдину и его единомышленникам удалось выявить у школьников четыре динамические тенденции: динамические типы стандартизации, вхождения в словарь, усложнения поля и периферийного развития [10, с. 25], которые в процессе становления личности и перехода от возрастной группы школьника к студенту могут как продолжаться, так и довольно значительно изменяться.

Таким образом, человек в ходе своего развития усваивает личностные смыслы, которые, несмотря на огромное влияние культурно-этнического компонента, присущи только ему одному. В условиях колоссального количества новых, «пустых» заимствованных слов происходит «размывание» значений «понятных» слов. Например, использование модного слова «конвент» вместо давно заимствованного и усвоенного слова «конференция» не добавляет ничего нового к понятию, кроме как ухудшает восприятие информации. Некоторые ученые высказывают опасение, что в современном русском языке существует значительное число понятий, культурный смысл которых становится всё более размытым, утрата смысла экзистенциальных феноменов может свидетельствовать о разрушении самосознания нации, потере национальной самоидентичности [11, с. 191].

Так, например, анализ одного из основополагающих для русского языкового сознания концепта «семья» показывает, что в Русском ассоциативном словаре, составленном в конце прошлого века, данное понятие ассоциировалось прежде всего с такими словами-реакциями, как *большая* – 82 реакции, *дружная* – 63, *дети* – 37, *дом и моя* – 27, *школа* – 22, *мама* – 14, *крепкая* – 12, *счастливая* – 11 реакций, и по 10 реакций набрали ассоциации *любовь*, *распалась* и *ячейка* [12]. Семья у школьников города Мурманска и их родителей ассоциировалась уже с несколько иным набором реакций: *дом* – 14 реакций, *родные* – 6, *мама* – 5, *люди*, *счастье* – 3, *близкие*, *всё*, *моя*, *одна*, *очаг*, *родители*, *родня*, *тепло*, *уют*, *ячейка* – по 2 реакции. Причем ассоциируемые слова *дом*, *родные*, *мама*, *дети*, *счастье*, *моя*, *очаг*, *родители*, *родня*, *тепло*, *уют*, *ячейка* являются общими как для старшего, так и для младшего поколения. Несмотря на то, что заимствованные слова не проявлялись тогда в качестве реакций на заданные стимулы, тем не менее представляется, что слова типа *фазер*, *мазер*, *хэпти* сейчас уже входят в понятийное поле концепта «семья». В последние несколько десятилетий были по-

пуляры следующие обозначения родителей: *инурки, отец с матерью, черепа, предки, старики, кони, родаки, черепки* [13]. Это, на наш взгляд, прямо способствовало «размыванию» анализируемого понятия, поскольку пренебрежительное название родителей никак не могло укрепить уважение и доверие в семье. Семья для русского человека всегда было понятием гораздо более широким, чем *муж, жена и дети*. В этом проявлялось стремление к «соборности», т.е. русская культура, как и русский язык, помимо вышеназванных семейных ролей, включал еще и устаревшие понятия родственных отношений: *деверь, зять, золовка, свояк, теица, тессть, невестка* и т.п. Опрос, проведенный среди студенческой аудитории МГПУ, выявил почти полное непонимание данных слов. Это свидетельствует в пользу того, что традиционная русская семья теперь понятие гораздо более узкое, чем прежде.

Итак, с утратой слов мы воспринимаем типичную европейскую модель семьи как единственно возможную, заимствуя западный усеченный смысл понятия «семья», где наблюдается отход старших поколений на второй план. Данный факт подтверждается и проведенным опросом среди молодежной аудитории, которой был задан вопрос: насколько вы считаете возможным, чтобы старые беспомощные родители (не обязательно ваши) жили не с детьми, а с сиделками или в домах престарелых. В опросе участвовали 27 юношей и 31 девушка. Примерно 27 % респондентов полагают, что это почти норма и не находят в данном факте ничего необычного. Этот эксперимент позволяет утверждать, что сейчас происходит процесс заимствования ценностей, т.е. таких категорий, которые передавали из поколения в поколение и всячески берегли.

Из вышесказанного позволим сделать следующий вывод: язык и языковое сознание есть отражение культуры этноса; с приобретением новых слов-заимствований и новых специфических форм отражения действительности, изначально не свойственных языку-реципиенту, меняется не только язык, но и культура. То же самое можно сказать и об обратной связи язык-культура: с исчезновением или присвоением «чужих» ядерных концептов языка меняется и культурная составляющая, характеризующая национальную идентичность данного языкового сообщества. Стереотипы поведения, особенно базовые этнические, подвергающиеся мощному давлению извне, начинают меняться. В них, как в Наставлении по производству полетов у летчиков, каждый пункт вписан кровью. По сути дела, это успешный опыт выживания конкретного этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хомяков А. С.* О старом и новом. Статьи и очерки / А. С. Хомяков. – М. : Современник, 1988. – 462 с.
2. *Зыкова Е. Н.* Англо-русские гибридные образования как один из способов пополнения лексического состава русского языка / Е. Н. Зыкова // Современная филология : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2015 г.). – Уфа : Лето, 2015. – С. 42–45.
3. *Хутиыз И. П.* Актуальные коммуникативные практики : контекст реальности в прагматике современного дискурса / И. П. Хутиыз. – Краснодар : Кубанск. гос. ун-т : Просвещение-Юг, 2010. – 139 с.
4. Антология концептов : в 2 т. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – 352 с. ; Т. 2. – 356 с.
5. *Бубнова И. А.* Цивилизационная матрица русского мира на переломных этапах истории страны / И. А. Бубнова // Вестник Бурят. гос. ун-та. – Улан-Удэ, 2014. – Вып. 10, ч. 2 : Филология. – С. 36–41.
6. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию : [пер. с нем.] / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – С. 49–200.
7. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов : коллективная монография / Е. Ф. Серебренникова [и др.]. – М. : Тезаурус, 2011. – 352 с.
8. *Богатырёва И. И.* Языковая картина мира / И. И. Богатырева. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/43646.php>
9. *Тарасов Е. Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н. В. Уфимцева ; Ин-т языкознания. – М., 1996. – С. 7–22.
10. *Гольдин В. Е.* Динамика языкового сознания современной молодежи по данным «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области» / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова // Известия Саратов. ун-та. – 2007. – Т. 7. – Сер.: Филология. Журналистика. – Вып. 1. – С. 24–30.
11. *Клименко А. П.* Структура когнитивной модели индивидуального значения в психолингвистической парадигме / А. П. Клименко, И. А. Бубнова // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация : сб. статей / Ин-т языкознания РАН. – Калуга : КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. – С. 190–199.

СЛОВАРИ

12. *Караулов Ю. Н.* Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов [и др.]. – М. : АСТ-Астрель, 2002. – Т. 1. – 782 с. ; Т. 2. – 991 с.
13. Электронный словарь-справочник русского языка системы ASIS®. Версия 4.1 (ноябрь 2006 г.) (свод обще-

употребительной, специальной и заимствованной лексики с синонимическими рядами) / под ред. В. Н. Тришина.

Московский городской педагогический университет

Казаченко О. В., доцент кафедры зарубежной филологии

E-mail: kazachenko_07@mail.ru

Тел.: 8 (495)181-40-13

– Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic_synonyms/154761/%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8

Moscow City Pedagogical University

Kazachenko O. V., Associate Professor of the Foreign Philology Department

E-mail: kazachenko_07@mail.ru

Tel.: 8 (495)181-40-13